

Я счастливый человек. Родился в СССР, в России, в Ленинграде 22 марта 1947 года, после войны. Мама моя 1920 года София Дмитриевна Бланкова по отцу, звали его Дмитрий Константинович, а по маме она была Афонина, звали её Анна Васильевна. Мама мне рассказывала, что в селе Ёржино Чернского района в Тульской области у них была усадьба. Их было трое – Боря, Серафима и София. По словам мамы их семья дружила с семьёй Льва Николаевича Толстого. Анна Васильевна играла на аккордеоне очень хорошо, гости любили её слушать. У прабабушки было 18 детей. В 1928 г. их раскулачили. Они были богатые люди, на сборы дали так мало времени, что собраться в дорогу и не успели, драгоценности Анна Васильевна отдала священнику, она была верующая в православие. Мама поехала в Петроград со своим братом Борисом, он был старше её. В поезде она так хотела пить, что глотнула кипяток, ошпарив рот. Боря искал ложку масла по всему поезду и нашёл.

Мама всегда очень была расстроена, когда рассказывала о его несчастной жизни. В 1937 г. 5 октября дядя Боря был арестован. Работал он рабочим, был в профсоюзе, много выступал на собраниях, но его расстреляли 9 октября, и труп бросили в Левашов-

скую яму, это под Ленинградом. Потом мне в 1990 г. позвонил из Большого дома майор КГБ СССР и сказал, что мой дядя реабилитирован, и если я и мои близкие «найдут» документы, то мы можем получить деньги за нашу усадьбу. Я пытался узнать у мамы, звонил своей тётё, родной сестре моей матери, тётё Симе, есть ли документы, но они сказали, что их нет. Позже звонил своему брату Юре, он сын Серафимы Дмитриевны, Юра сказал, что ездил на легковой машине со своей дочкой смотрел эту деревню, ничего не смог из документов найти, не нашёл и усадьбу, церковь была уничтожена, поэтому ничего не получилось. Жаль.

Мама и Серафима учились хорошо. Тётя Сима пела в консерватории, но так сложилась ситуация, что она сорвала голос, пыталась поправиться, но не получилось, пришлось уйти из консерватории. Потом она вышла замуж и уехала в Москву. Моя мама тоже пела, занималась балетом, позже, когда она вышла замуж за профессора Академии художеств Лашкарёва Петра Петровича, он стал её учить рисованию. У нас даже после войны остались красивые, интересные работы мамы. Ей пришлось выбирать, и она стала больше времени уделять танцам. Училась у Екатерины Гейденрейх. К ним на урок часто приходила Ваганова Агриппина Яковлевна, она была председателем комиссии. Мою маму комиссия и сама Агриппина Яковлевна отмечали за способности к танцу. Но вот пришла война, сколько несчастий принесла, все судьбы народа были испорчены..

Мама неохотно рассказывала об этом времени, говоря, что это страшное, жестокое время жизни было. А лучшее время было с 1936 по 1941 гг., и после войны с 1964 по 1980 гг. Я вспоминаю несколько моментов из её рассказов. Однажды они, это мама и Зина, пошли на дежурство района, мама говорила, что она охраняла территорию от Адмиралтейского завода до консерватории, будучи зам. начальника района. Она предложила Зиночке пойти по улице Союза Печатников, т.к. вчера мама дежурила по ней, но Зина её упростила пойти по Лермонтовскому проспекту. Расстались, через секунд 20 звук летящей бомбы, взрыв – мама побежала посмотреть, что там случилось, и увидела глубокую яму – от Зины ничего не осталось, кроме головы и кусков мяса. У мамы истерика, побежала к начальнику...

Мама потеряла и своих родителей в блокаду. А было это так, отец всегда собирал к столу на обед, понятно, что те крохи и кипяток, который он старался со своей женой собрать, ничего больше не было. Посидели, перекусили, мама попросила отца выйти из-за стола, хотя знала, что отец, пока он не даст команду, что обед за-

кончен, всегда ее ругал, когда она забывала. Отец вдруг ей разрешил, она встала и пошла, села в кресло у стеночки, забралась с ногами и книжкой, и вдруг в дом попадает пятисоткилограммовая бомба, она не взорвалась, но сверху попала на крышу и прошлась по центру комнат. Все, кто сидел за столом, погибли, весь пол и потолок обрушились на головы сидящим людям. На маму упала икона, она была в оцепенении, потом по стенкам комнаты вышла на лестницу, лестницы остались, внизу были трупы...

Мама меня растила без отца, его пригласили работать в Москву, он предложил маме поехать с ним, но в память о войне, гибели родителей, защите города, друзей, она отказала ему, так они и расстались. Помню, он приезжал, я уже был на ногах, красивый мужчина, высокий был, звали его Леонид Фёдорович.

Мама была знакома с семьёй Платонова Пантелея Ивановича. Когда я родился, они, видя, что моей маме трудно одной жить с маленьким на руках, нужно же работать, она одна, предложили ей помочь. Меня в семье Платоновых воспитывали быть честным, справедливым, настоящим защитником отечества. Анна Михайловна Платонова (Уланова) до войны была председателем колхоза Новосёлки тоже Тульской области. Она рассказывала, что в начале войны, когда немцы вошли в деревню, они были другими, а после того, как проиграли борьбу за Москву, немцы стали лютовать... Жили они на Лесном проспекте д. 13а, недалеко от Финского (Финляндского) вокзала на четвёртом этаже (кв. № 5). Симпатичный двор, с деревянными сараями «кухоньками», у каждой квартиры свой номер, там хранили картошку, капусту, лук... Был свой садик, фонтанчик работал в центре сада, при руководстве страной Сталиным по всей стране всё восстанавливалось и строилось, столик для игр в домино и в карты. Там я и научился многим играм. Играли с ребятами в лапту, штандар, футбол, волейбол, баскетбол, в прятки, в карты, в шахматы, в шашки и в другие игры.

Мама вышла за муж за Владимира Григорьевича Геллера. Мы с ним гуляли, ездили в зоопарк, смотрели диких зверей. Но потом мама развелась, семья не получилась. Но до самой смерти мы с ним встречались, хороший был мужик. Во время войны был разведчиком, много рассказывал, как его посылали на задания, как однажды его чуть не убил высокий, здоровенный немец, но он чудом вывернулся и доставил его в часть. Как отступали, трудно было, но пришло время, и армия стала наступать... С ним было интересно, он преподавал физкультуру в школах. Я ему подарил все свои пять книг о балете.

В шесть лет я посмотрел фильм «Огни Большого города» с выдающимся артистом Чарли Чаплиным, он спицей зонтика накалывал сигареты, затем табак вытряхивал в бумагу, потом закручивал их и курил. Я и мои сверстники тоже стали это делать. Многие взрослые пришли с войны и у всех были кисеты с табаком, при нас они брали газету насыпали табак и закуривали. И мы им подражали, уединяясь. Так я курил до 21 одного года, пока не поехал к Нугзари Махатели в Тбилиси. Он был у нас в Ленинграде, занимался в театре, я ему показывал вариацию из балета «Шопениана». Он ученик Вахтанга Чабукиани, а я ученик Николая Зубковского. Чабукиани с Зубковским были друзьями и уважали друг друга за талант и способности, за труд, который в них был воспитан прошлым временем. Зубковский, Сергеев, Дудинская, Каплан, Чабукиани и другие рассказывали, что при руководстве страной Сталиным было запрещено заниматься интригами. Когда его отравили, то Хрущёв (Аксельрод по матери¹) сам начал заниматься страшными делами, против советской и партийной власти, об этом всё больше раскрываются документы последнего времени.

Нугзари меня летом пригласил в Тбилиси, город мне понравился. Поехали в горы рядом Бакуриани, дальше Ликани, к дедушке и бабушке Нугзари. Мы познакомились. Пока бабушка готовила покушать мы пошли погулять, посмотреть достопримечательности этого места. Попили холодный и горячий боржоми из крана, посмотрели деревню, речку, красивые горы, пошли к дому, вижу – открыта калитка на одном участке. Стоят два домика, один дом, где отдыхал Сталин², а другой невдалеке, для охраны. Нугзари рассказал, что знал об этом, я захотел посмотреть дом, но Нугзари сказал, что этого делать нельзя. Я зашёл на территорию, пошёл к домику Сталина, дорожки были засыпаны зелёным илом, его привезли из Египта, подошёл к двери, она была чуть приоткрыта, заглянул во внутрь. Был удивлён – стоял дубовый стол, 12 стульев чёрного цвета по середине. Но тут подошёл часовой (охранник) в белой рубашке, спросил у меня, что

---

¹ По мнению автора – Б.В. Бланкова. (Прим. ред.).

² В Ликани расположен дворец Романовых (1892–1895). Его архитектором является Леонтий Николаевич Бенуа. Дворец построен на берегу реки Кура и изначально задумывался как загородный дворец великого князя Николая Михайловича. В советское время резиденция Ликани перешла в собственность государства, и в ней часто отдыхали первые лица советского государства, в том числе Иосиф Сталин. Интернет. (Прим. ред)

я здесь делаю, я ему сказал, что очень хотелось посмотреть этот дом. «А, что нельзя?» – спросил я. Он сказал, что нельзя. Я сказал ему: «Хорошо» и пошёл на выход. Там вдалеке стоял Нугзари, я ему рассказал, о чём меня спросил часовой.

Когда мы приехали, родственники Нугзари нас встретили очень гостеприимно, показали дом, огород, где мы будем спать... Кормили, налили чачу – грузинская водка. Дедушка много раз «обманывал» свою жену, каждый раз говоря, что ему она не налила чачи, забыла, уговоривая её на три рюмки спиртного. Так за обедом три, за ужином три, получалось каждый день ему «хорошо». Ходили мы с ним за дровами на осень и зиму. Он вначале собирал то, что упало, это были небольшие деревья, затем мы пилили сухие деревья. Потом он нам сказал, чтобы мы немного отдохнули, прежде чем понесём к дому деревья, а сам взял в руки и подмышку по дереву и поволол домой. Мы удивились, сами взяли также по два дерева и медленно еле-еле пошли за ним. Иногда останавливались, чтобы перехватить дерево, а он всё шёл и шёл без остановок. Вот силища была, а ростом был ниже нас. Купаться ходили на реку Кура каждый день, вода была холодная, течение быстрое, текла с гор. Искупались, я закурил, а Нугзари мне и говорит: «Боря, когда ты бросишь курить, ты мне обещаешь». Я ему ответил: «Обещаю, ну вот я и бросаю курить на реке Куру больше не куру». Действительно бросил курить, правда, через восемь месяцев дня три начал покуривать ухаживая за барышней, она курила, а потом всё же бросил.

Интересна была встреча в центре Тбилиси в хачапурной. Сидим, кушаем хачапури, разговариваем, вдруг мне у входа какой-то парень кивнул, помахал рукой, я Нугзари говорю, что это тебе или мне приветствие, он говорит, что нет это не ему, наверное, ошиблись. Через минуту мне ещё раз этот парень делает знак, подзывает к себе, я встаю, он выходит на улицу, я за ним. Он подходит к машине, открывает багажник, раскрывает сумку... И говорит – как договаривались. Цена та же. Я понимаю, что он меня не узнал, перепутал, нужно выходить из этой ситуации, и говорю, что я из Ленинграда, и вы ошиблись, я приехал к другу. И пошёл доедать хачапури. Сказал о ситуации Нугзари, он сразу предложил быстро уходить. Нам, наверное, повезло, мы быстро ушли оттуда.

Чёрное-Русское море это отдельное воспоминание. Об этом чуть позже напишу. Мама много работала, зарплата была маленькая, работала на нескольких работах, поэтому меня часто отпускала на двойке автобуса ездить до Финского вокзала, а там меня уже встречала родня Анны Михайловны, то Лида, то Женя,

позже я уже сам ходил – расстояние около одного км. Помню, мы ходили с Юрой Гарченко в низок в магазин к вокзалу ближе, в магазине стояли бочки с красной и чёрной икрой. Заходя в магазин, мы дважды окунали в бочку два пальца в красную икру и сразу в рот облизывали пальцы, а при выходе в чёрную бочку с икрой. Часто нам продавщица говорила – «это что такое, а ну пошли отсюда». Мы замечали, что она иногда улыбалась. Хорошие воспоминания у меня остались от Лесного проспекта, от семьи Платонова Пантелея Ивановича. Он воевал был связистом, после войны также работал связистом, был членом партии. Анна Михайловна «тянула» семью, готовила, убирала, воспитывала, много и хорошо пела на два голоса, много знала песен, помогала нам, детишкам познавать этот мир.

Всегда смотрел, как на праздник Победы по Лесному проспекту едут военные части, позже стал ходить на салют, который проходил на Неве. У нас во дворе дворник тётя Таня давала нам по очереди поливать каждый день двор, позже стали приезжать грузовые машины, и мы собирали металлические предметы, и их увозили на переплавку по заводам. Ходил на стадион, который был на Лесном проспекте, катался на коньках зимой, а летом смотрел футбол «Зенита» и «Динамо» и других команд. Я в школу пошёл в № 136, это рядом с Лесным проспектом, отучился два года, и моя мама взяла меня на Лермонтовский проспект. (После развода с женой Любой я опять был там прописан, об этом чуть позже напишу). Пошёл я в школу № 249–250 на Союзе Печатников – это тоже рядом с домом. Отучился один год, познакомился с ребятами своего района, много лет дружили, потом повзрослели стали разъезжаться на новые более удобные квартиры, несмотря на маленькие дворы, всё равно играли во все игры.

Мама летом стала со мной ездить на юг, сначала в Крым. После купания обедали, затем отдыхали, либо покупала билеты на автобус и ездили рассматривали Ай-Петри, Учансу... Крым действительно был красив, там мы с мамой ездили на пароходиках по морю, осмотрели Ласточкино гнездо, Алушту и другие места. Ходили по Ботаническому саду, попробовали крымское Массандровское вино, впечатлений было много. Мне стукнуло 10 лет, и мама решила меня отдать учиться в ЛАХУ им. А.Я. Вагановой. Это её мечта, она сбылась. Но, я не очень-то хотел заниматься балетом, быть «балеруном», как ещё многие и в наше время говорят. А правильно быть танцовщиком. Конкурс: на место было 20 мальчиков, меня взяли, но сказали, что я могу стать танцовщиком, если буду стараться работать над собой. Я даже однажды не

пошёл на уроки. Но мама отругала меня, переговорила с Верой Леонтьевной Мацкевич, а Вера Леонтьевна была с ней знакома, да ещё они вместе преподавали во Дворце Газа. Меня она заняла в репертуар Кировского театра и Малегота¹. Нас освободили от уроков, повезли на автобусе в театр, там мы расписались на листе, нас накормили, затем повели в раздевалку, там мы переоделись, прорепетировали, затем опять переоделись, и нас отвезли в школу. Позже было выступление, но уже кормили в два раза дороже, первый раз по 50 копеек, а второй раз по 1 рублю. На следующей день меня поздравил Михаил Георгиевич Тер-Степанов добрыми словами, что я стал артистом, а он был зав. постановочной частью, поцеловал в голову, пожал руку. Меня это так вдохновило, что я решил стать танцовщиком.

Первым учителем стала Мария Владимировна Боярчикова, Мария Владимировна нас учила четыре года. Она была требовательна, учила, что каждый день нужно заниматься в полную силу, а это, как выяснилось, было самое трудное правило, я только через 10–12 лет в театре смог каждый день в полную силу заниматься на классике, так назывался наш урок. Мария Владимировна, помимо учёбы танцу, учила и другому. Помню, однажды я попросил у неё три копейки на улице, очень хотелось пить, купил газировки. А на следующий день я вернул три копейки, меня похвалила Мария Владимировна и сказала, что даже одну копейку нужно отдать, если ты занял в долг.

С нами учились параллельно чуваши. Хороший был класс. Когда они приехали, то выглядели хуже, чем ленинградцы, потом стали получше, стали лучше одеваться, говорить, заниматься, т.е. культурнее. Дружили мы с Колей Никифоровым, хороший парень. Когда меня пригласили в Чебоксары ставить балет «Баядерка», я почти всех ребят с чувашской группы просил войти в спектакль. Руководителем была Галя Васильева, н.а. Чувашской АССР, тоже из группы чувашей, талантливая женщина, хорошо руководила, вела уроки, помогала мне. Спасибо всем! Балет прошёл очень хорошо. Пришлось пригласить из хора и миманса артистов, т.к. не хватало людей. Труппа работала с полной отдачей. Спектакль поставили за 45 дней, показывали его в другой республике (Марий Эл), и их руководитель К. Иванов – танцовщик Большого балета, сказал, что наш спектакль лучше, чем в Москве в Большом театре. Я на своём 60-летии показывал в Доме Актёра плёнки с записями балета – это же отметили зрители.

---

¹ Малегот – Малый оперный государственный театр *Прим. ред.*

Каждый год в школе репертуар менялся, вначале в Кировском театре участвовали в «Щелкунчике», я участвовал во всех персонажах, кроме крыс, от Франца до принца, затем в других спектаклях, таких как «Спящая красавица», «Дон Кихот», «Раймонда», «Шурале»..., а в Малеготе – в «Сольвейге», «Корсаре», «Гавроше»... Мы танцевали со всеми балеринами и танцовщиками того времени: Дудинской, Шелест, Вечесловой, Анисимовой, Балабиной Ястребовой, Осипенко, Исаевой, Покрышкиной, Федичевой, Минченок, Кургапкиной, Сизовой, Макаровой и другими балеринами, как Кировского балета, так и Малегота. Мужской состав возглавляли Сергеев, Каплан, Брегвадзе, Шавров, Макаров, Фидлер, Кузнецов, Соколов, Грибов, Викулов, Гридин, Зимин, Хамзин, Соловьёв, Нуриев...

В «Баядерке» во 2-ом акте сидел на слоне – голове перед А. Макаровым. Б. Брегвадзе, Р. Нуриевым, чередуясь с Валерием Александровым... Видели Уланову, Чабукиани, когда они приезжали уже на гастроли. Помню спектакли, которые тогда ещё шли: «Гаяне», «Маскарад», «Тарас Бульба», «Отелло», «Лауренсия», «Тропюю грома»... Молодых солистов видел в их премьерях, я жил рядом с театром, и меня уже знали в театре, поэтому мне всегда было место на третьем ярусе: несколько человек подвигались, чтобы я сел.

Я знал некоторых балетоманов, которые ходили в Мариинский театр ещё при царе и видели Павлову, Карсавину, Спесивцеву, Гердта, Нижинского, Фокина и весь императорский балет. Много было разговоров, пристрастий, я с детства знал многие балеты, это мне потом помогло в постановках по стране, где я ставил балеты.

В 1961 году смотрел балет «Жизель», Сергеев К.М. вводил Н. Макарову. Помню, как она добавила в первом акте (получилось не музыкально) фаи – ранверсе в первой части вариации. Надо заметить, что это вариация не Жизели, а просто вариация из другого балета.

Был в 18 городах в СССР, СНГ и России. Я всегда ставил один. В свои 60 лет я поставил в своей редакции балет «Лебединое озеро» спектакль Петипа, Иванова, Сергеева в Турции в городе Анкаре за 45 дней с нуля. Дней за 50 позвонил мне из Москвы из Большого театра Юрий Попко, н.а. России, и спрашивает, могу ли я поставить быстро «Лебединое озеро» вместо Григоровича Ю.Н., что-то у него не сложилось с руководством турецкого театра. Я говорю, что готов поставить в своей небольшой редакции спектакль Сергеева Константина Михайловича, Л. Иванова и М. Петипа, наш ленинградский вариант, он лучше, чем московский. Попко сказал, что

если всё сложится, то он мне перезвонит. На следующий день иду в метро, он мне звонит и говорит, они согласны, только цену назови нормальную, а то может сорваться предложение, как у Юрия Николаевича. Жди их звонка, с тобой будет говорить или переводчица, или человек, умеющий разговаривать по-русски. Через некоторое время звонок, договорились, что они мне высылают через два дня билет на самолёт, и я должен буду приехать и сразу начну работать. Я спросил, есть ли у них художники, так как мой художник уехал отдыхать, ответили, что есть, в театре два художника – мужчина и женщина. Спрашиваю: «Сколько им лет?». Ответили, что меньше шестидесяти.

Действительно выслали по интернету авиа билет, 20 долларов (виза) США заплатил на границе, привезли в гостиницу, затем я сразу поехал в театр и вечером уже начал работу, мы так договорились. Расставил кордебалет лебедей, их всех записали фамилии и утром уже могли начать кроить костюмы лебедей, встретился с художниками, обо всём, что можно было в русском переводе, рассказал. Так началась работа над спектаклем. На следующий день пришёл на урок, решил, кто будет сольное танцевать, и после урока начались репетиции. Через 45 дней состоялась премьера балета с танцевальным выходом принца в первом акте в Сергеевской вариации.

Когда мы в 1992 году ставили с Сергеевым и Дудинской балет «Корсар» в Большом театре, я репетировал с Наталией Михайловной, показывал и репетировал с ведущими балеринами. Более того, я один показывал мужской танец из трёх актов ведущим, я разговаривал с Сергеевым, он меня тихим голосом просил, чтобы я после его смерти возобновлял его спектакли. Я дал согласие мастеру, уникальному человеку.

Но, разговор был о другом: «Почему Вы, Константин Михайлович, в 1950 году не сделали выход принца в «Лебедином озере» танцующим, ведь балет “Золушка” Вы поставили раньше и с танцующим выходом принца?». Он мне ответил: «Придёт время, и ты это сделаешь». Я так и сделал. Спектакль был премьерным 3, 8 и 20 марта 2007 года... Я показывал свою редакцию уже в Санкт-Петербурге, многие танцовщики, такие как Викулов, Долгушин, Иванцов, мои друзья сказали: то, что я сделал, это очень интересно. Я предложил Гергиеву В.А. на совещании в театре, Валерий Абисалович пообещал позже разобраться, почитать моё предложение, но время идёт, а решения всё нет.